

С. Лесной

Слово о полку Игореве

Книга 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Л50

Л50 **Лесной С.**
Слово о полку Игореве: Книга 4 / С. Лесной – М.: Книга по Требованию, 2013. –
138 с.

ISBN 978-5-8850-7347-9

ISBN 978-5-8850-7347-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Большие ста лет исследователи «Слова» не обращали должного внимания на персоналии «Слова». Ложный взгляд на «Слово», как на чисто поэтическое произведение, задерживал все исследования в этом направлении.

Рассуждали приблизительно так: если мы не знаем точно о котором Святополке, Всеволоде или Ярославе идет речь, то это неважно, — поэт, мол, мог назвать их и совсем другими именами. А между тем вся сила «Слова» именно в его конкретности и исторической верности. Ни один образец изящной литературы того времени в Европе не может быть сравнен со «Словом» в этом отношении.

В XII веке ни один европейский народ еще не поднялся в развитии своей изящной литературы до уровня, когда в нее проникает элемент серьезности, мысли о гражданстве, о благе государства и т. д. В этом отношении «Слово» на целую литературную эпоху выше всех песней о Роланде, о Нибелунгах и т. д., где фантастика господствует, а самая песнь — это только развлечение, приятное наполнение досуга, но не более. Этого не поняли. «Слово» играло кроме того и серьезную общественно-политическую роль. Поэтому чрезвычайно важно знать все детали взаимоотношений упоминаемых лиц, ибо без этого настоящее понимание «Слова» невозможно.

Только в этом случае мы поймем «Слово» в его плоти и крови, а не будем уподобляться тем исследователям, которые влагают в уста певца горячее воззвание взяться за оружие, встать на защиту родины, отомстить за раны Игоря к... мертвецам, или называют «буй туром» князя, отличавшегося поразительной мягкостью, добротой и незлобивостью.

Нужно отдать справедливость, что первыми учеными, которые взглянули на «Слово» правильно, были советские ученые. Ими многое сделано в освещении персоналий. Однако, принимая во внимание материалы и силы, которыми они располагали, сделано ими гораздо меньше, чем они могли и должны были сделать.

Автор отнюдь не обольщает себя надеждой на безупречность своих «персоналий» и вполне понимает, что во многих случаях они заставляют желать многого, но обстоятельства, забросившие его в Австралию, не дают возможности дать персоналии с той глубиной, как этого он хотел-бы.

Приходится довольствоваться только исправлением самых грубых ошибок и указанием на пути дальнейшего исследования, которые, конечно, могут быть произведены не в стране, где вообще русская книжка является редкостью, а русских библиотек вообще нет.

Так как материал персоналий чрезвычайно пестр, — трудно было сгруппировать его по рубрикам или расположить по алфавиту (в этом случае лица, самым тесным образом связанные друг с другом, оказались-бы разбросанными в разных частях персоналий. Мы предпочли поэтому снабдить каждое лицо цифрой и тем самым дать возможность с одной стороны быстро находить требуемые сведения, а с другой излагать материал не только для каждого лица отдельно, но и группируя его по происшествиям. Например, если мы встречаемся с именами Мстислава и Редеди, мы их обозначаем цифрами 6 и 7, так как только история их единоборства и упомянута в «Слове», и может быть еще вернее было-бы обозначить их одной цифрой. Это дало возможность излагать некоторые события с достаточной полнотой и последовательностью в виде одного цельного рассказа.

Некоторые примечания ввиду их обширности, напр., о Трояне, пришлось выделить в особую главу.

ПЕРСОНАЛИИ

(Лица, события и места, упоминаемые в «Слове»).

1. Игорь Святославович (в крещении Георгий), с июня 1180 г. князь Новгород Северский, а с 1196 г. князь Черниговский, родился 15 апреля 1151 г., умер в 1202 году. Мать его Екатерина — дочь новгородского посадника Петрилы; об отце его ниже.

Был женат, повидимому, однажды (подробнее см. прим. 63), именно на дочери Ярослава Галицкого («Осмомысла») Евфросинии, год женитьбы не установлен. Указание первых изданий «Слова» 1800 года, что он женился в 1184 году, вероятно, ошибочно (см. прим. 63).

Игорь имел 5 сыновей и по крайней мере одну дочь. Старшим сыном был Владимир, родившийся 8-го октября 1172 г. и принимавший участие в походе 1185 г. Будучи юношей 13 лет, он командовал отдельным отрядом, что для тех времен было явлением нормальным, ибо в этом возрасте при князе — подростке всегда имелся его воевода — советник. В боях — же принимали князь — даже малые дети, достаточно вспомнить Святослава, который был настолько мал («бе детеск вельми»), что начиная бой, бросил копье, которое, пролетев меж ушей коня, тут-же упало у его ног.

Следующим сыном был Олег, родившийся по одним данным в 1174 г., по другим в 1175 г.; в 1185 г. он был еще совсем мальчиком, но, повидимому, также принимал участие в походе. Лаврентьевская летопись прямо утверждает, что Игорь отправился в поход с «двема сынома».

Третий сын Игоря — Святослав родился по одним данным в 1176 г., по другим в 1177 году.

Жизнь сыновей Игоря плохо освещена историей, к тому же мы не имеем специальной сводки данных о них.

Известно, что Святослав Перемышльский, Роман Звенигородский и Ростислав Теребовльский в 1211 году во время вой-

ны с венграми были взяты в плен, но выкуплены галицкими боярами специально, чтобы отомстить Игоревичам за минувшие казни бояр. Игоревичи были биты и повешены.

Владимир Галицкий (герой «Слова») пришел на помощь братьям в войне их с венграми и против мятежных бояр, но был разбит и бежал до «Незды», дальше все следы его теряются, источники указывают год его смерти 1212, следовательно, умер через год после смерти братьев.

Что же касается Олега (в крещении Павел), то источники указывают 1205 год, как год его смерти (до первоисточника нам докопаться не удалось), следовательно, он умер до борьбы за наследие Ярослава Осмомысла остальных Игоревичей, претендовавших на него, как внуки. Если год его смерти (1205-й) будет установлен твердо, то темное место в «Слове»: «и в море погрузиста» нужно будет подвергнуть основательному пересмотру, ибо вариант с объяснением, что в нем речь идет об Олеге Игоревиче, должен будет совершенно отпасть.

Старший сын Игоря — Владимир (в крещении Петр), был женат на дочери половецкого князя Кончака и имел двух сыновей: 1) Изяслава (Филиппа), князя Теребовльского и 2) Всеволода (Симеона).

Святослав (Адриан) Игоревич был женат на Ярославе Овручской и имел дочь Агафью, вышедшую около 1209 года замуж за Конрада I Мазовецкого († 31. 8. 1247). Эта Агафья была прабабушкой короля польского Казимира III Великого.

Время рождения Романа неизвестно, у него было трое сыновей: 1) Иван Путивльский, 2) Константин, 3) Михаил, «убитый от Литвы».

О Ростиславе почти ничего неизвестно. Все трое младших сыновей были повешены в сентябре 1211 года.

Дочь Игоря, неизвестная по имени, вышла замуж в 1190 г. за князя Давыда Ольговича († 1196 г.), сына Олега Святославовича Черниговского и Ефросинии Юрьевны Рязанской.

В 1185 году Игорь, будучи в возрасте 34 лет, был уже опытным воином, не раз бившимся, как против половцев, так и против других, имея половцев своими союзниками. О походе говорилось вполне достаточно выше, поэтому на нем мы здесь не останавливаемся.

Перейдем к оценке политической деятельности Игоря, данной Д. С. Лихачевым (1949, 1950), так как она бросает совершенно ложный свет на суть эпохи вообще и XIII века в частности.

«И Мономаховичи, и Ольговичи, пишет Лихачев, постоянно пользовались половецкой помощью в своих походах на соседние русские княжества, но особенно часто прибегали к помощи

половцев именно черниговские Ольговичи, искавшие мира и союза с беспокойным населением смежных степей».

На первый взгляд кажется, что всё в этой цитате верно, но в ней скрыта очень важная и ложная мысль. Дело было не в соперничестве Мономаховичей и Ольговичей, как это думает Лихачев и другие, собака зарыта глубже: вся эта эпоха и до, и после Олега «Гориславлича» жила принципом — «человек человеку волк». Соперничали не только различные ветви рюриковской династии, но чаще всего родные братья.

Начиная с Владимира I Великого идут сплошные братоубийства, ослепления, обманы, заточения пожизненно «в поруб», насильственные пострижения в монахи и т. д. **И это в пределах одной семьи!**

На помощь против братьев призывались все соседи, которых только можно было сманить: варяги, литовцы, поляки, венгры, торки, печенеги, половцы и т. д.

Сын восставал против отца, брат вел интригу против родного брата и т. д., всё сводилось к одному: «К власти какой угодно ценой!». Шагали через трупы, не взирая на родственные отношения, шли против открыто или подсылали тайно убийц или отравителей. Приводить примеры, означало-бы повторять русскую историю X—XV веков.

Поэтому политика, в которой принимал участие Игорь, есть вовсе не только результат вражды Мономаховичей и Ольговичей, — подвернись выгодная политическая комбинация, тот же Игорь перешел-бы на сторону Мономаховичей. Разве тот же Святослав Киевский не был то на стороне Всеволода Большое Гнездо, то против него? Лезли вверх за получением лучших уделов всеми правдами и неправдами, заключая всякие нечестные сделки: «если ты, мол, сядешь в Киеве — ты меня наделишь, если я сяду в Киеве, — я тебя наделю».

Поэтому видеть беду Руси только в плоскости раздоров между Мономаховичами и Олеговичами, — значит искажать и недопонимать историю. Ложна была вся государственная система, в ней всё зло.

«...в 80-х годах XII в., пишет далее Лихачев, делается попытка примирения Ольговичей и Мономаховичей. Сами Ольговичи рвут со своей традиционной политикой союза со степью...».

И далее: «...Киев был уступлен Рюриком Святославу на условиях, о которых мы можем догадываться: повидимому, Святослав обязался отказаться от союза с половцами и обещал действовать против них в согласии со всеми русскими князьями...».

Можно уверить Д. С. Лихачева, что его догадка ложная: никогда настоящего союза между Ольговичами и половцами (т. е. оборонительного и наступательного не было). Русские и половцы всегда были врагами, но то обстоятельство, что Тмутарокань, вотчина Ольговичей, была окружена половцами,

а коренные земли Ольговичей соседнили с последними, заставляло их идти на всякие сделки: они откупались от половцев деньгами, вступали с ними в браки и т. д.

Использовали они половцев и как подсобную силу для осуществления своих корыстных целей в борьбе с русскими князьями (кто бы это ни был). Наконец, если Ольговичи действительно состояли в союзе с половцами, они должны были-бы принимать участие в раздорах между последними, а этого вовсе не было.

Никакой «традиционной политики союза со степью» не было, — были временные сделки с ордами кочевников, как наемной военной силой. И эти кочевники (как торки, берендеи, литовцы и проч.) были далеко не традиционными союзниками, — они переходили весьма легко на сторону того, кто больше давал.

Когда в 1079 г. Роман Тмутороканский явился на Русь с половцами, вел. князь Киевский Всеволод Ярославич за его спиной откупился от половцев и они отступили (почему-бы без боя и не воспользоваться русским добром?!). В ссоре между Романом и половцами по этому поводу Роман был даже убит.

Вероятно не без влияния денег Всеволода было и то, что половцы, вернувшись в Тмуторокань, вдруг арестовали брата Романа — Олега «Гориславича» и сослали его на греческий остров Родос. Вот тебе и «традиционные» союзники!

«В начале Игорь, — типичный Ольгович, пишет далее Лихачев, еще в 1180 г. половцы деятельно помогали Игорю Святославовичу. Наголову разбитый Рюриком Ростиславичем Киевским у Долобска вместе со своими союзниками — половцами, Игорь Святославович вскочил в ладью сам друг со своим будущим злейшим врагом, а теперешним союзником Кончаком»...

И несколько ниже: «Обязательства главы Ольговичей Святослава распространялись и на Игоря Святославовича. Прямодушный и честный Игорь решительно рвет со своей прежней политикой: он становится яростным противником своих бывших союзников».

Эти цитаты неверны, как в целом, так и в деталях. Прежде всего Кончак никогда не был «злейшим» врагом Игоря. Если в 1180 г. они вместе, как союзники, убегали в одной лодке, то в 1185 г. Кончак был таким «злейшим врагом», что немедленно на поле битвы поручился за раненного Игоря, а в 1187 году выдал свою дочь замуж за сына Игоря. Удивительно, как легко ученые историки бросаются такими словами, как «злейший враг», не имея на то решительно никаких оснований, а, наоборот, отлично зная, что «будущий злейший враг» поступит самым благородным образом и даже породнится с Игорем.

Неверно и то, что Игорь был вначале «типичным Ольговичем». Если в 1180 г. он бился в одних рядах в Кончаком, как союзником, то еще в 1171 г. он разбил Кончака и Кобыяка на Ворскле, а в 1174 году он бился с ними-же под Переяславлем и

прогнал их. Бился с половцами он и в 1183 г. и в промежуточные и последующие годы.

Война и мир с половцами диктовались переменным положением во внутренней политике на Руси. Ольговичи всегда враждовали с половцами, и вообще считали их «погаными», но при удобном случае нанимали их, как военную силу.

Когда глава Ольговичей Святослав добился наконец своей цели и сел великим князем в Киеве, никакой решительно перемены политики в отношении к половцам не последовало. С ними также воевали, их также приглашали союзниками, как и прежде. Немного лет спустя тот-же Кончак опять участвует, как союзник, во взятии Киева.

Да и как не приглашать союзников, если судьба была настолько переменчива, что Рюрик Ростиславович умудрился семь раз воссесть и слетать с киевского престола!

Все эти факты, конечно, отличным образом известны Лихачеву, но что заставляет его фальсифицировать историю — непонятно. Далее, если он не понимает основных, скрытых пружин тогдашней политики, то он мог-бы лучше разобраться и в деталях. Откуда он взял, что Игорь был «честный» и прямодушный — Аллах его ведает. Правда, есть факты, которые говорят в пользу Игоря, однако, та же летопись влагает в его уста такое покаяние, что уж никак не вяжется с его «честностью».

«Помянух аз грехы своя... яко много убийство, кровопролитие створих в земле крестьянстей, яко же бо аз не пощадех хрестьян, но взях на щит город Глебов у Переяславля; тогда бо не мало зло подьяша безвиннии хрестьяни, отлучаеми от рожений своих, и дщери от материй своих... живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся... и то вся сотвори в аз».

Конечно, романтика событий еще не означает, что ее герой благороден, поэтому человек, пишущий обзор исторических событий, должен быть прежде всего объективным. История — не романтические бредни, а ушедшая действительность.

Характеристика деятельности Игоря и Ольговичей, данная Лихачевым, не выдерживает критики. Игорь традиционным союзником половцев не был; как правило, он всегда бился с ними и гораздо реже, когда нуждался, приглашал их на помощь, но в их дела не вмешивался и им не помогал. Тоже касается и прочих Ольговичей.

2. Святослав Олегович Черниговский, отец Игоря († 15. II. 1164). Был женат (с 1107 г.) на дочери половецкого князя Азпы, «Григренева сына», от которой имел сына Олега († 18. I. 1180). Вторым браком он был женат (с 1136 г.) на Марии, дочери новгородского посадника Петрилы и в третьем браке на Екатерине († IV. 1166 г.), от которой он имел сыновей: 1) Игоря (1151-1202) и 2) Всеволода, князя Трубецкого и Курского († 17. V. 1196) и дочерей: 1) неиз-

вестная по имени, вышедшая замуж (9. I. 1148 г.) за Романа Ростиславовича Кроткого († 14. VI. 1180 г.); брата Рюрика, кн. Овручского и Белгородского *), 2) Мария (2. VIII. 1149-1189), вышедшая замуж в 1166 г. за Ярополка Изяславовича Бужского († 7. III. 1170), брата вел. кн. Мстислава II и вел. кн. Ярослава II; таким образом Ингварь, Всеволод, Мстислав и Изяслав Ярославовичи (см. ниже), приходились ей по мужу племянниками.

3. Олег Святославович Тмутороканский, впоследствии Черниговский и Муромский († I. VIII. 1115 г.), дед Игоря — «Гориславличъ» «Слова». Человек действительно «горестной славы», виновник целой полосы междоусобиц на Руси, немало пострадавший в жизни, включая заточение на острове Родосе. Внуки его носили имя «Ольговичей». Подробное о нем см. прим. 20, а также родословную № 1.

Олег «Гориславлич» был сыном Святослава II-го и его жены Екатерины, дочери графа E. hler von D. thmarschen'a. Имел 4-х братьев и 1 сестру: 1) Глеба Тмутороканского († 30. V. 1079), героя «Слова», 3) Давыда Смоленского и Черниговского († 1123), 4) Ярослава Муромского и Черниговского († 1129), последний был родоначальником Рязанских князей, 5) Вышеславу, с 1067 г. в браке с королем польским Болеславом II.

Олег «Гориславлич» был женат дважды. В первом браке он состоял с 1083 г. с Феофанией Муссалон (или Муссалониса), во втором с дочерью половецкого князя Осулука.

От первого брака у него были 3 сына: 1) Всеволод II Киевский († I. VIII. 1146), женатый на Марии Мстиславовне Киевской († 1179 г.), 2) Игорь Киевский († 19. IX. 1147 г.), причислен к лику святых, 3) Глеб Курский († 1138).

От второго брака Олег «Гориславлич» имел сына Святослава Черниговского († 15. II. 1164 г.). Будучи по матери половцем, отец Игоря, женился первым браком опять-таки на дочери половецкого князя Аэпы, а вторым на дочери новгородского посадника. Таким образом Олег «Гориславлич» и сын его были тесно связаны с половцами браками.

4. Боян (упоминается в «Слове»; 7 раз: 13, 14, 31, 68, 83, 619, 766), неправильное начертание «Баян» (очевидно производили от «баяти»). Имя это упоминается только в «Слове» и в его подражании «Задонщине», ни народные песни, ни исторические документы его не упоминают **).

*) Возможно, однако, что она была дочерью от первого брака.

**) Однако, имя Бояна на Руси встречалось: в Новгородской летописи (Синод. спис.) под 6834 (1326) г. мы находим: «...загореса на Бояни улке и погоре до половины Рогатици, а Славкова улица». Далее в так называемой грамоте Тешаты, составленной в правление псковского князя Довмонта, между 1266 и 1291 гг., мы находим: «...А на том до-слуци: Давыд поп. Дорожка Домослав, Векошкын Боян...». Очевидно это было древне-русское имя.

«Задонщина» называет его «гораздым гудцом», т. е. искусным музыкантом, «в Киеве». Из того, что о нем сказано в «Слове», можно сделать следующие выводы. Боян был знаменитым певцом, сопровождавшим свое пенье игрой на каком-то струнном инструменте. Последний был, вероятно, род цитры, ибо Боян играл на нем всеми десятью пальцами.

Боян был кроме того не только исполнителем песен, но главным образом и слагателем их, «песнотворцем».

В свои произведения он влагал недюжинный ум и талант, вследствие чего отдельные его выражения приобрели характер поговорок, две из которых автор «Слова» и приводит, — доказательство их популярности.

Певцу «Слова» он представлялся сверхъестественно одаренным; так как он называет Бояна «вещим», называет он его и почтительно — ласково «соловьем старого времени».

Указание, что Боян помнил «усобицы первых времен» и что он воспевал «старого Ярослава» († 1054 г.), «храброго Мстислава» († 1033 г.) и «красного Романа» († 1079 г.), показывает приблизительно эпоху, в которой он жил. Певцы тогда занимались главным образом воспеванием современности. Так как подвиг Мстислава, одолевшего Редю, относится к 1022 году, то ясно, что Боян уже жил в начале XI века.

С другой стороны Боян не мог бы умолчать о деятельности такого замечательного князя, каким был Владимир Мономах (1053-1125). Если он его не воспевал, значит он жил до Мономаха или захватил время, когда еще Мономах не успел выдвигаться.

Так как Роман Красивый был убит в 1079 г., т. е. когда Мономаху было всего 25 лет, то конец деятельности Бояна, очевидно, ложится на время около 1079 г. и до момента, когда Мономах уже стал очень видной фигурой. Надо полагать, что жизнь Бояна укладывалась в промежуток между 1010 г. и 1080 годом, скорее со сдвигом к началу XI столетия, ибо он не воспевал отца Мономаха Всеволода.

Следует отметить, что Боян не называется внуком Дажьды бога, как все русские, а внуком Велеса, бога скота и пастухов. Также торговцев, ибо скот при натуральной системе играл роль денег. Объясняется это, вероятно, тем, что Велес был также профессиональным богом певцов и музыкантов.

В древности большинство музыкантов и певцов выходило из среды пастухов, что объясняется родом их деятельности. Наблюдая за скотом, пастухи не только имеют достаточно времени для упражнения в пении или в игре, но и бывают понуждаемы к этому скукой. Сначала искусство является саморазвлечением, а потом у более талантливых переходит и в профессию. Наконец, налицо имеется и передача опыта и умения от старых пастухов к подросткам, т. е. своего рода школа.

Игра на дудках, сопилках, и т. д. являлась прерогативой пастухов. Начиналось это с сзывания рано утром всех коров в поле.

Может явиться вопрос: как могла забыть история такого известного певца, как Боян? Не является ли он просто личностью мифической? Конечно, нет!

В летописях мы находим много указаний на большое развитие песен на Руси. Песенников и «песнотворцев» несомненно было немало, но сохранились имена только тех, которые были упомянуты в связи с их общественной и политической деятельностью, а не как певцы или музыканты.

Особенно процветала музыка при княжеских дворах. Интересные черты жизни того времени мы находим в «Житии Феодосия Печерского». Он часто посещал по делам князей Изяслава и Святослава. В «Житии» мы находим описание, как Феодосий Печерский застал у князя Святослава концерт: «Князь сядя и се виде многа играюща пред ним: оны гусельныя гласы испущающим, и инемь музикайскіа гласящим, иные же органы, и тако всім играющим и веселящимся яко же обычай перед князем».

Феодосий Печерский, как духовное лицо, запротестовал против этого и князь приказал прекратить музыку. Однако, музыкальные развлечения были настолько обычны, что они прекращались только «аще когда услышитъ блаженного пришествія, то повелеваше тим стати и мовчати».

Не следует забывать, что из той эпохи к нам дошли только источники духовного или полу-духовного содержания. Летописание же было в руках монахов, для которых пение и «игрища» были только «бесовским навождением». Поэтому даже упоминания о светских певцах в их устах было непристойным.

Была и другая причина умолчания о певцах: в те времена люди требовали смирения и скромности и выпячивание личности не считалось достаточно приличным. Достаточно посмотреть на летописи, чтобы убедиться в этом, — летописание считалось достойным и богоугодным делом, но мы в действительности не знаем достоверно ни одного имени летописца.

Об авторстве Нестора, Сильвестра, Никона мы только косвенно умозаключаем, а существующие приписки на переплетках рукописей еще не означают авторства, а только то, что данное лицо переписало данную летопись и является владельцем списка, это его личная собственность и только.

Здесь же следует коснуться вопроса, показывающего удивительно простое и искреннее отношение исследователей «Слова», до самого последнего времени не уяснивших себе условий существования «Слова» в веках, следующих за его созданием.

С. Н. Плаутин, 1949, очень удачно сформулировал положение дела: «Часто приходится слышать, что «Слово о полку Игореве» является единственным в своем роде литературным памятником: в древней литературе нет другого подобного ему про-